

Ю. И.
АЙХЕНВАЛЬД

Избранное

Юлий Айхенвальд
Салтыков-Щедрин

«Public Domain»

1913

Айхенвальд Ю. И.

Салтыков-Щедрин / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1913 — (Силуэты русских писателей)

ISBN 978-5-457-32362-9

«Сам Щедрин не завещал себя новым поколениям. Он так об этом говорит: „писания мои до такой степени проникнуты современностью, так плотно прилаживаются к ней, что ежели и можно думать, что они будут иметь какую-нибудь ценность в будущем, то именно и единственно как иллюстрация этой современности“...»

ISBN 978-5-457-32362-9

© Айхенвальд Ю. И., 1913
© Public Domain, 1913

Юлий Исаевич Айхенвальд Салтыков-Щедрин

Сам Щедрин не завещал себя новым поколениям. Он так об этом говорит: «писания мои до такой степени проникнуты современностью, так плотно прилаживаются к ней, что ежели и можно думать, что они будут иметь какую-нибудь ценность в будущем, то именно и единственно как иллюстрация этой современности».

Прав он в значительной мере, но не всецело. Самородок своего таланта Щедрин, действительно, разменивал на такую публицистику, которой по самым условиям ее природы не суждена долговечность. Слишком современный, он переполнял свои страницы злобою русского дня, пересыпал их намеками, уколами, рисовал определенные портреты и называл реальные собственные имена. Оттого многое у него теперь непонятно и неинтересно без комментария; к его тексту часто необходимы подстрочные примечания.

Таков, однако, не весь Щедрин. В том, что от него остается и останется, в ценных долях своего непомерно обильного писательства, он раньше всего производит впечатление силы. Он – крепкий, терпкий; его не забудешь, если хоть раз отведать от его суровой трапезы. Есть что-то в его даровании сердитое и строгое. Можно не любить Салтыкова, но с ним нельзя не считаться. Не только автор, но и авторитет, он в литературе – какой-то «сам»; и если бы в своей частной жизни он был самодуром, то это бы только соответствовало его художническому облику. Странное дело: читатель его почти боится, как-то робеет в его присутствии, ставит себя в положение его героев, а они-то уж, наверное, имеют все основания трепетать перед ним. Писатель-начальник, привередливый и требовательный, взыскательный и беспощадный, язвительный и придиричивый, Салтыков – брюзга. Он в разные эпохи жил и всеми эпохами был недоволен. Он пропустил мимо себя много людей и почти никого не похвалил. От него больно достается. Прирожденный сатирик, бесцеремонный и циничный, он – мастер насмешки, седой «великий мастер» масонской сатирической ложи. При этом Щедрин, как и подобает его сану, собственно, не шаржирует. Его гиперболизм – естественный, не больший, чем тот, какого требует самый стиль сатиры. Его увеличительное стекло преувеличивает в меру своего назначения. Справедливо отклоняет он упреки в карикатурности: «карикатур нет... кроме той, которую представляет сама действительность». Конечно, на ловца и зверь бежит; и Щедрин, ловец специфический, видел только то, что мог видеть, – и, несомненно, к свойствам его таланта приспособлялись факты, к зрению – зрелище; но во многом был он прав и правдив, и порою неизвестно было, что к чему иллюстрация: Салтыков ли к русской жизни, или русская жизнь к Салтыкову. К тому же его сатира не узка – слишком не узка: даже меньшей надо было бы ей пожелать многосторонности.

В самом деле, он по преимуществу ополчается на гнусность и пошлость чиновничества, на те особенности быта, которые обуславливаются пороками власти и властью беззакония; у него Угрюм-Бурчеев и его предшественники, его преемники, его товарищи и подчиненные выступают на фоне такого пейзажа, где над пустыней вместо неба нависает «серая солдатская шинель»; у него – всякие помпадуры, простые и «чрезвычайно вышитые», и он в самых различных вариациях изображает наших национальных героев, «Сидорову козу и Макара, телят не гоняющего»; вообще, население его книг так плотно, столько у него человеческих образцов, такая у него пышная кунсткамера, что этот музей Щедрина едва ли оставляет незаполненной хоть бы одну рубрику, хотя бы одну полочку официальной русской патологии, – скорее здесь избыток и повторения. Но в то же время от своей едкости щедро уделяет сатирик и обществу; не одни бюрократические пастыри, но и пасомые служат мишенью для его метких стрел. Те, кто литератора Крамольникова, попавшего в беду, робко чураются; те либералы, которые свой либерализм тратят экономно и «применительно

к подлости»; рыцари пустословия и «обильного словотечения» – все они в руках Салтыкова побывали. У него много презрения, и в конце концов не разбираешься в круговой поруке жизни, кто больше этого презрения заслуживает – жрецы или жертвы начальнической формулы: «обыватель всегда в чем-нибудь виноват». «Говорят, что я изображаю в смешном виде русских консерваторов... но тут же рядом и в столь же неудовлетворительном виде я изображаю и русских либералов» – так определяет сам автор то обвинение в «двоедушии», которое ему не раз приходилось выслушивать и которого он, разумеется, не принимал. Оттого не принимал, что его резкость «имела в виду не личности, а известную совокупность явлений, в которой и заключается источник всех зол»; оттого не принимал, что, даже обличая, по-видимому, самого читателя, он на деле-то видел в нем «жертву общественного темперамента, необходимую мне (Щедрину т. е.) совсем не для потасовки, а только в качестве иллюстрации этого последнего». Очень далекий от индивидуалистического мирозерцания, до мозга костей проникнутый общественностью, Салтыков именно в ее почве искал корней для тех явлений, которые живописал. Пословицу «Было бы болото, а черти будут» он признавал «настолько правильной, что никаких вариантов в обратном смысле не допускал». «Воистину болото родит чертей, а не черти создают болото» – вот его заветное убеждение. И поэтому он должен был рисовать не только шапку и того вора, на котором она горит, но и Сеньку – «по Сеньке и шапка». И поэтому также он дал замечательные хроники «Господ Головлевых» и «Пошехонской старины», где и показал то юридическое крепостничество, из которого только и могло здесь же вырасти крепостничество психологическое, надолго отравившее собою всю Россию. Так переплетаются у Щедрина, в родственном сближении, элементы официальный и обывательский; в жизни большей прочности этого соединения много способствовал, по мысли автора, тот золотой мост взятки (иногда и серебряный), который «уничтожал преграды и сокращал расстояния, прекращал бюрократический индифферентизм и делал сердце чиновника доступным для обывательских невзгод». Благодаря этой своеобразной доступности неистребим отечественный лик Держиморды, и Щедрин, вообще продолжатель Гоголя, усматривал первобытного полицейского и под самой новейшей бюрократической оболочкой; он даже считал русскую бюрократию «неразрешимой психологической загадкой», потому что, собственно, сделаться настоящей бюрократией она ни под каким видом не хочет. «Еще на глазах у начальства она туда и сюда, но как только начальство за дверь – она сейчас же язык высунет и сама над собою хохочет. Представить себе русского бюрократа, который относился бы к себе самому, яко к бюрократу, без некоторого глумления, не только трудно, но даже почти невозможно. А между тем бюрократствуют тысячи, сотни тысяч, почти миллионы людей. Миллион ходячих психологических загадок! Миллионы людей, которые сами на себя без смеха смотреть не могут, – разве это не интересно?» И как бюрократы не уважают своего дела, как им свойственна «административная проказливость», так и в противоположном лагере находит Щедрин людей, которые тоже страдают отсутствием цельности, самоуважения и по существу представляют собою лишь другую, обратную сторону все той же казенной медали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.